

Секция «20.1 Глобальные политические процессы современности»

Парадокс китайской «мягкой силы» в Центральной Азии: от культурного влияния к инструменту политического контроля

Научный руководитель – Гайдаев Олег Сергеевич

Хрипунова Александра Игоревна

Студент (бакалавр)

Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Факультет международных отношений, Кафедра международных отношений, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: akhripunova-23-01@ranepa.ru

Аннотация. За последние два десятилетия Китай превратился в ключевого экономического партнёра стран Центральной Азии (ЦА). Регион является важнейшим звеном инициативы «Один пояс - один путь», источником энергоресурсов и транспортным коридором. При этом КНР формально придерживается принципов невмешательства и избегает публичных ультиматумов, что позволяет характеризовать её политику как «мягкую силу». Однако масштаб и характер китайского присутствия ставят вопрос о правомерности использования данного термина.

Ключевые слова: мягкая сила, Китай, Центральная Азия, экономическая зависимость, культурная дипломатия, дискурс

Цель работы - выявить противоречие между риторикой «мягкой силы» и реальными механизмами влияния КНР в Центральной Азии, обосновать тезис о трансформации китайской стратегии в гибридную модель непрямого политического контроля.

Китай последовательно формирует в регионе дискурс, альтернативный западному, делая акцент на невмешательстве и совместной безопасности. Наиболее ярко эффективность этой стратегии проявляется в реакции на обсуждение ситуации в Синьцзяне: Казахстан, Киргизия и другие страны ЦА не только воздерживаются от критики КНР на международных площадках, но и пресекают внутренние протесты в поддержку уйгуров.

Товарооборот Китая с ЦА достиг 95 млрд долл. (2024), объём инвестиций и контрактов в рамках ОПОП за 2013–2020 гг. составил 755 млрд долл. Однако за фасадом цифр скрываются механизмы, формирующие зависимость: а) неокOLONиальная структура торговли (экспорт готовой продукции из КНР в обмен на сырьё); б) долговая асимметрия (китайские инвестиции преимущественно кредиты, доступ к ресурсам которых сопряжён с уступками, как в случае с газовыми проектами Туркменистана); в) лаговый эффект (краткосрочные выгоды оборачиваются потерей технологического суверенитета в долгосрочной перспективе).

Китай успешно вытесняет конкурентов, не прибегая к прямой конфронтации. США не могут предложить сопоставимого экономического ресурса (торговля с ЦА 7,2 млрд долл. против 94,7 млрд у КНР). Инвестиции ЕС в «Срединный коридор» парадоксальным образом работают на китайскую инфраструктуру. Турция, обладающая потенциалом культурно-цивилизационной близости через ОТГ, проигрывает, поскольку элиты ЦА опасаются «тюркского национализма» и предпочитают китайскую модель, позволяющую легитимизировать внутренние репрессии.

Классическое определение «мягкой силы» (Дж. Най) предполагает добровольность следования за привлекательным примером. В Центральной Азии «добровольность» выбора стран региона иллюзорна: каждый внешнеполитический шаг предопределён структурой отношений, выстроенной КНР. Элиты лояльны не в силу симпатии, а потому что

альтернатива грозит экономическим коллапсом. Это позволяет говорить о формировании гибридной модели «силы структурной зависимости», включающей экономическую привязку, институционализацию китайского дискурса и нейтрализацию альтернатив.

Политика КНР в Центральной Азии, формально использующая инструменты «мягкой силы», на практике превратилась в механизм непрямого политического контроля. Главный парадокс заключается в том, что риторика невмешательства и взаимной выгоды маскирует создание устойчивой системы зависимости, ставящей под вопрос классическое понимание «мягкой силы» и требующей выработки новых концептуальных рамок для анализа современных международных отношений.

Источники и литература

- 1) Гаврилова А. В. Внешнеполитические приоритеты КНР в Центральной Азии: стратегический аспект [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). — URL: (ссылка на ресурс) (дата обращения: 12.09.2025).
- 2) Лексютина Я. В. Дипломатия Китая в Центральной Азии: механизм многоуровневых партнерств // Постсоветские исследования. — 2025. — Т. 8, № 2. — С. 114–126.
- 3) Лексютина Я. В. Ориентиры торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией // Китай в мировой и региональной политике. — 2025. — Т. 30. — С. 309–323.
- 4) Махмутова Е. В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. — 2022. — С. 268–283.
- 5) Перминова А. А. Эволюция политики КНР по взаимодействию со странами Центральной Азии в сфере безопасности // Мировая экономика и международные отношения. — 2024. — Т. 68, № 1. — С. 48–61.
- 6) Притчин С. А. Китайская стратегия в отношении стран Центральной Азии: стремление к скрытому доминированию // Вестник РГГУ. — 2023. — № 4. — С. 66–80.
- 7) Лю Ци, Вань Тао, Ло Цзин. Социологическое исследование восприятия имиджа Китая иностранными студентами из стран Центральной Азии // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. — 2022. — С. 103–107.